

Филладельфiя, не достигши еще конца перваго своего вѣка, уже сдѣлалась въ Америкѣ, на подобiе Парижа въ Европѣ, Столицею Государства, которое предъ всѣми другими можетъ сказать:

Sic parvis contronege magna solebat, т. е. такимъ образомъ обыкновенно изъ малаго я составляю великое.

Парижъ издавна почитается испючникомъ добраго вкуса; а въ Филладельфiи потѣ же вкусъ основанъ на добромъ разсужденiи.

Въ Парижѣ всюду блистаетъ разумъ вымысловъ и хитрость художествъ; а въ Филладельфiи во всемъ видна простота, и полезныя искусства въ быстрыхъ успѣхахъ достигаютъ до своихъ намѣренiй.

Въ Парижѣ нравы болѣ прищны, а въ Филладельфiи болѣ благопристойны. Французовъ можно почитать за самыхъ учтивыхъ людей, а Пенсильванцовъ за людей наполненныхъ всякою честностью.

Въ Парижѣ виденъ удивительный порядокъ въ правленiи; а въ Филладельфiи нравы сами собою порядокъ составляютъ; ибо жюпя всѣ тамъ живутъ свободно, но всегда добропорядочно.

Францiя не приемлетъ невольниковъ, а Пенсильванiя своимъ даетъ свободу.

Французъ почитаетъ честь столь за велико, что онъ лучше согласится умереть, нежели укорену быть въ безчестномъ дѣлѣ; а Пенсильванецъ столь строго наблюдаетъ правила добродѣтели, что не захочетъ жляпвою испуитъ своей жизни.

Въ Парижѣ бѣдной и богатой равно веселятся, не взирая на разность ихъ частей; а въ Филладельфiи нѣтъ ни богатого ни скуднаго: всѣ пользуются благопристойнымъ достаткомъ, съ неизмѣняемымъ удовольствiемъ.

Французъ смѣется всему, иногда отдаленъ отъ всякой радости; а въ Пенсильванiи смѣхи суть изображенiи человеческого благополучiя.

Парижъ иностраннымъ кажется обиталищемъ утѣхъ; а Филладельфiя имъ видится жилищемъ людей совершенно щасливыхъ.